

ТИПОЛОГИЯ ФОРМ И ВИДОВ ПУБЛИЧНОСТИ ВЛАСТИ

*Виктор Согомонян**

Выведение и изучение *типологии форм и видов реализации* публичности власти, как и *концепций оперирования* ими, в той интерпретации этого явления, которая была обозначена в моей предыдущих статьях (см. «21-й ВЕК», ##1, 3, 2012), кажется насущной необходимостью для исследования предмета. Если публичность есть неотъемлемое свойство любой власти, ее технология, которая приводит в действие саму власть и – больше – создает власть как таковую (Подорога), то следует определить и классифицировать ее инструментарий; выяснить, в каких формах она может проявляться и успешно материализоваться; проследить, какими путями конкретная власть может становиться властью-в-публичности и, благодаря собственному *стилю оперирования* императивом, обретать уникальный в своем роде, присущий исключительно этой власти, образ. К тому же, есть все основания предполагать, что выведение примерной типологии форм и видов публичности власти вкупе с определением возможных концепций оперирования ими может открыть дорогу к более точному пониманию сущностей тех или иных политических режимов, привести к формированию нового и эффективного индикатора для определения характера власти, в той или иной стране вне зависимости от периода истории. Подчиненный некой (осознанной и выбранной или нет конкретной властью) иерархии определенный *репертуар форм и видов* приказывания, применяющийся конкретной властью на протяжении всего процесса управления, может с максимальной точностью выявить природу этой власти – «и как то, что она есть, и как то, чем она кажется; <...> и то, какой эта власть является на самом деле, и то, какой она хотела бы выглядеть» [1].

*Кандидат филологических наук.

Итак, обратимся к *формам и видам* реализации публичности власти; исследовав и классифицировав их, мы сможем приступить в дальнейшем к рассмотрению во многом более сложного явления концепции реализации императива.

Формы публичности власти

1. Властный императив имеет материальную форму выражения, которая в своих трех трихонмиях идентична естественным формам коммуникации – письменной речи, устной речи и языку жестов. В случае публичности власти это:
 - форма письменной речи – графического, письменного документа, содержащего текст приказа или выступления носителя власти;
 - форма устной речи – устного выступления носителя власти, обращенного к той или иной аудитории;
 - форма визуализации, жестов – отправляемого властью ритуала.
2. Вербальный характер публичности (можно даже сказать *исключительно вербальный*, если учесть, что при отправлении ритуалов власть вновь оперирует текстами) однозначно позволяет рассматривать целостную «массу» публичности власти в совокупности подавляющего большинства возможных проявлений в качестве некоего набора единиц коммуникации, прежде всего – текстов. «Слова и власть тесно связаны между собой, поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер (приказание – выполнение приказа, предложение – одобрение, и т.п.)» [2, с. 264]. Как точно определяет Никлас Луман, «власть есть управляемая кодом коммуникация» [3]. Если представить, например, подведение итогов деятельности какой-либо власти с направленностью на выведение тех или иных закономерностей ее законченного во времени функционирования (то, что является предметом политической истории), то этот процесс будет представлять собой именно анализ единиц коммуникации власть-подданные в виде различных общедоступных текстов в форме приказов, распоряжений и различного рода выступлений. При этом репертуар форм этих текстов в силу известных объективных причин достаточно ограничен; приведенный выше список можно с

уверенностью считать завершенным. В итоге, публичность власти, в целостности ее материального выражения, следует рассматривать как некий набор текстов, имеющих строго определенные (три) формы, которые хоть и могут подвергаться некоторым метаморфозам, но в целом сохраняют свои фиксированные контуры.

3. Семиосоциопсихология изучает текст не как единицу языка, а как знак коммуникации, коммуникативную единицу наиболее высокого порядка, «являющую собой не только продукт, но также и образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности»¹. Детерминация текста как знака коммуникации подробно исследована в лингвистике, в частности в трудах Чарльза Пирса. Рассматривая текст как репрезентативный (означающее), Пирс отмечает его полифункциональность с точки зрения отношения к объекту (референту). Текст может выступать и как символ, и как индекс, и как иконический знак. Если доминирует его апеллятивная функция (в случае инструкции, приказа или вопроса) или репрезентативная функция (текст указывает на некоторую конкретную действительность), то текст – это в первую очередь знак-индекс. Такое преобладание индексальности наблюдается в драме и в реалистической литературе. В качестве иконического знака текст выступает, например, в визуальной поэзии. Тексты, в которых последовательность знаков соответствует хронологии репрезентируемых событий (*ordo naturalis*), представляют собой диаграмматический знак-индекс (пример Якобсона: слова Цезаря «пришёл, увидел, победил») [4]. Однако, как отмечает Пирс, в качестве языкового знака текст – это прежде всего символ [4]. Это утверждение Пирса в контексте предметной темы кажется наиболее важным.

Известно, что знак-символ образует отношение между означающим и означаемым на основе предписанной, *конвенциональной*, условной смежности. С первого взгляда, форма императива в момент абсолютного функционирования должна обнаруживать такую смежность исключительно с са-

¹ Костюк В.В., Анализ документов и текстов. Курс лекций. Цитируется по сайту факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, www.ffsn.bsu.by/infocom/kostuk/document_analysis/lectures.html.

мим императивом как онтологическим фактом по простой логике: *актуализация формы императива означает наступающий акт приказывания*. Иначе говоря, если глава государства собирается выступать, то он будет приказывать. Однако это лишь *постоянный*, либо *пассивный референт* формы реализации публичности; не следует забывать, что речь идет о вербальных действиях, содержательным смыслом которых *так или иначе* является приказ вне зависимости от способа или вида его реализации. Ведь вместе с определением «языка» власти как набора перформативов мы сталкиваемся не с репертуаром символов (Эко) или пар означающих/означаемых, как в обычном языке, а с одним-единственным мегаозначаемым, универсальным для всех означающих этого языка – с императивом, с приказом. Точно так же, увидев какую-либо книгу, еще до ознакомления с ее названием или содержанием, мы можем с уверенностью говорить, что имеем дело с *письменностью*, это постоянный референт формы-книги. Любое речевое «произведение» власти в границах осуществления публичности так или иначе сводится к приказам, будь то прямым, латентным, дискурсивным, побудительным и др.

Другое дело, что та же форма книги (фолиант, альбом, брошюра и т.д.) может более или менее определенно указывать на *вид* письменности: обширное произведение, иллюстрированный текст, фрагмент творчества и др. Это уже ее *актуальный референт*. По той же аналогии, формы-тексты императива, функционируя в самом моменте «рождения» акта публичности абсолютно (т.е. до перехода к содержанию, безотносительно к нему; это несколько мгновений эксклюзивного функционирования формы)¹, со временем конвенционально приобретают (скорее – уже приобрели) характеристики относительно самостоятельных символических знаков, которые «не только «замещают» реальные объекты, но и задают программу деятельности и поведения своим истолкователям. Иными словами, эти знаки не просто ментальны – они коммуникативны по своей природе и функции»². В данном контексте форма императивного текста имеет особую значимость: помимо того, что здесь «форма, обымая содержание извне, овнешняет его, то есть воплощает» [5], она – что

¹ Переход к содержанию меняет характер формы-знака: перед нами выступает уже знак-индекс.

² Адамьянц Т.З., Семиосоциопсихология. // Электронная Энциклопедия социологии. Цитируется по одноименному сайту, <http://slovari.yandex.ru/энциклопедия социологии/семиосоциопсихология>.

важнее – «указывает на различие данного содержания от всего иного» [6], то есть, в данном случае, указывает на некоторые *характеристики* приказа, отличающие его от всех других *заранее, до ознакомления с гипотетическим смыслом*. Таким образом, форма приказа, в контексте традиционности восприятия жизненного мира (Хабермас) адресантами и адресатами, их общего опыта, конвенциональности относительно существующего подобия, еще и (в границах некоторой нормы) может указывать на вид приказа как на актуальный референт. Форма императива – это *ожидание вида приказа*, наполняющееся – благодаря известным из опыта особенностям формы – относительно точным предвосхищением его общей сути.

Исходя из сказанного, можно с уверенностью рассматривать заключенный в одну из трех форм текст публичности как содержательный знак коммуникации власть-подданные, знак-символ, способный иметь самостоятельную семантическую нагрузку и успешно достигать первой части коммуникативной цели публичности – обозначить общий характер события, задать его модус. Так, увидев в выпуске телевизионных новостей на некоем иностранном языке, которым мы не владеем, выступление главы иностранного государства в местном парламенте, мы, тем не менее, можем с большей или меньшей точностью определить, что он выступает с речью, в которой затрагивает более или менее важные вопросы политики, иначе он не стал бы выступать перед народными представителями (или не стал бы выступать вообще). Если мы знаем, что недавно в этом государстве прошли выборы, то сможем предположить, что носитель власти выступает с программной речью или же, подметив некоторые элементы специального церемониала (он облачен в специальную мантию, у него на груди президентский знак и т.д.), предположить процессирование инаугурации и, соответственно, инаугурационного выступления. Таким же образом, сама форма телевыступления главы государства, которое прерывает запланированные эфирные передачи в поздний час, может однозначно указывать на грядущее сообщение о чем-то экстраординарном, например – о военной агрессии и приказе о всеобщей мобилизации; вряд ли носитель власти станет обращаться к подданным в это время и в этой форме, чтобы сообщить, что решил назначить нового министра финансов.

Таким образом:

- публичность власти имеет три материальные формы реализации, идентичные формам обычной коммуникации;
- формы реализации публичности представляют собой тексты-знаки, которые в абсолютном функционировании выступают в качестве знаков-символов;
- референтом абсолютно функционирующих форм-знаков (текстов) императива является не только сам приказ, но и его некоторые характеристики или его виды, что создает некоторую функциональную «прикрепленность» отдельных форм публичности к отдельным видам публичности;
- форма текстов публичности власти, функционируя в пределах указанных выше условий, есть не что иное, как метакоммуникация (Бейтсон), которая задает модус наступающему моменту коммуникации.

Виды публичности власти

Базовая дескрипция понятия «публичность власти» (комплекс обязательных действий власти, которые осуществляются в рамках двух основных процессов – публичного распространения всеобщих приказов и публичного совершения ритуальных и церемониальных действий) может служить в качестве твердой основы для выведения типологии видов публичности власти. Здесь можно однозначно указывать на следующие виды:

1. Прямое приказывание, материализующееся путем распространения письменных или устных приказов, тексты которых оформляются при помощи *прямых перформативов* и не содержат контекстуальных оболочек, в которых некоторым образом «спрятан» приказ. Это наиболее простой вид приказывания, как правило, реализующийся в форме *письменного документа или выступления носителя власти*. Здесь главой государства или его официальным представителем отдаются прямые приказы, распоряжения, вводятся запреты, ограничения, устанавливаются ответственные за выполнение приказа, иногда – определяется способ и мера наказания за невыполнение приказа и др. В качестве примера приведем текст указа президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по упорядочению использования слов

«национальный» и «белорусский»: «1. *Установить* (все курсивы цитат – мои. – *В.С.*), что: 1.1. *правом* на использование в наименованиях (реквизитах документов или рекламных материалах): 1.1.1. слова «национальный» *обладают*: государственные органы и иные организации, имущество которых находится в республиканской собственности; средства массовой информации, учредителями которых выступают государственные органы; иные юридические лица в случаях, предусмотренных законодательными актами; 1.1.2. слова «белорусский» *обладают*: государственные органы и иные организации, имущество которых находится в республиканской собственности; политические партии, их союзы (ассоциации); республиканские общественные объединения, республиканские союзы (ассоциации) общественных объединений; республиканские государственно-общественные объединения, их союзы (ассоциации); республиканские профессиональные союзы, их союзы (ассоциации); банки; средства массовой информации, учредителями которых выступают государственные органы; иные юридические лица в случаях, предусмотренных законодательными актами; 1.2. *порядок присвоения, периодического подтверждения, лишения* статуса «национальный» и особенности правового положения музеев, театрально-зрелищных учреждений и профессиональных коллективов художественного творчества с таким статусом *определяются* Президентом Республики Беларусь; 1.3. при создании Президентом Республики Беларусь или Советом Министров Республики Беларусь советов, комиссий и иных консультативно-совещательных органов в их наименованиях *могут использоваться* слова «национальный» или «белорусский». 2. Организации и средства массовой информации, названия которых не соответствуют требованиям подпункта 1.1 пункта 1 настоящего Указа, *подлежат перерегистрации* в трехмесячный срок. При этом *плата за перерегистрацию (регистрационный сбор) не взимается. Деятельность* организаций и средств массовой информации, не прошедших перерегистрации согласно части первой настоящего пункта, *является незаконной и запрещается*. 3. *Совету Министров* Республики Беларусь *обеспечить* приведение актов законодательства в соответствие с настоящим Указом и принять иные меры по его реализации. 4. *Контроль* за выполнением данного Указа *возложить* на Комитет государственного контроля. 5. Настоящий *Указ вступает в*

силу со дня его официального опубликования. Президент Республики Беларусь А.Лукашенко»¹.

Как видно из приведенного примера, во всем тексте, бесспорно обладающем всеми признаками «приказного», ни разу не употреблен перформатив («приказываю» (или «постановляю»). Однако смысл всего текста, так или иначе сводящийся к отдаванию прямых приказов, определяется именно благодаря этому, опущенному в данной синтаксической конструкции (на его существование однозначно указывает слово «установить»), перформативу: *приказываю установить, что правом обладают, приказываю установить, что организации и средства массовой информации подлежат, приказываю установить, что деятельность запрещается* и т.д. Игнорирование основного перформатива управления в приказном тексте не является нормой, как и, впрочем, не есть отклонение от нее; здесь можно говорить лишь о разных традициях официального письма в разных странах или же стиле «указотворчества» той или иной власти. Так или иначе данный вид публичности остается прямо-перформативным.

К этому виду мы еще вернемся; здесь же, в качестве примера для сравнения, приведем фрагмент из указа президента Республики Казахстан Н.Назарбаева «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью и коррупцией и дальнейшему совершенствованию правоохранительной деятельности в Республике Казахстан», где вводится прямой перформатив: «В целях усиления противодействия преступности и коррупции, дальнейшего совершенствования правоохранительной деятельности *постановляю*. 1. *Определить* приоритетными направлениями деятельности правоохранительных органов борьбу с коррупцией и защиту конституционных прав и свобод граждан от преступных посягательств с обеспечением неотвратимости реакции государства на любые правонарушения и привлечением виновных к установленной законом ответственности. 2. *Возложить* на руководителей государственных органов, государственных организаций и организаций с долей государственного участия непосредственную обязанность по противодействию коррупции с установлением за это персональной ответственности <...>» и т.д.².

¹ Официальный сайт Президента Республики Беларусь, <http://www.president.gov.by>.

² Официальный сайт Президента Республики Казахстан, <http://www.akorda.kz/ru>.

2. Латентное приказывание, материализующееся путем условного диалога подданных и носителей власти. Здесь, при помощи специально конструируемой ситуации, инсценируется диалог, идентифицирующийся присутствующими именно как таковой, однако право речи принадлежит лишь одному участнику этой «сцены» диалога. Эти тексты публичного императива содержат приказы (*косвенный императив*), облаченные в иные, не всегда присущие приказному тексту, формы. Наиболее распространенными формами для реализации этого вида императива являются формы *политической речи* или *протокольного выступления*. Приведем два примера; вот текст выступления президента РФ В.Путина на праздновании Дня защитника Отечества 22 февраля 2002г.: «Товарищи офицеры и генералы! Солдаты России! Дорогие ветераны, друзья! Позвольте поздравить вас с наступающим праздником Днем защитника Отечества. Праздник российской армии давно стал всенародным. Отныне в соответствии с законом – официальным государственным праздником. Это еще одно подтверждение глубокого уважения государства к своей армии, признание особого значения офицерского труда и солдатской службы. Почти в каждой российской семье были или есть те, кто защищал или защищает Родину. Выбор армейской судьбы – это выбор тяжелой работы, постоянного риска, а сегодня, к сожалению, часто – и готовности пожертвовать даже своей жизнью. Офицер в России всегда был и символом мощи страны, и образцом личной чести. Во все времена наши военные отличались дерзостью быть первыми. И не только в воинских победах: история страны знает немало примеров в области культуры, науки, инженерной мысли, образования. Среди военных были и авторы великих географических открытий, дипломаты, ученые, всемирно известные писатели – достаточно вспомнить только такие имена, как Лермонтов, Толстой, Даль, Крузенштерн, Пржевальский и многих, многих других. В российскую армию испокон веков шла элита общества, ее самая образованная часть. Это был костяк интеллигенции. И эта особенность исторически отличала российское офицерство, выделяло его среди армий других государств. Сейчас, когда продолжается военная реформа, *мы обязаны помнить* об этом, *дорожить* этими традициями, *развивать* их в молодом поколении наших воинов.

Уважаемые друзья! В России всегда было, что защищать: необъятные просторы и огромные ресурсы – все это часто привлекало в разные периоды истории и искушало агрессоров. Но неизменно они получали отпор защитников России. Нам и *сегодня нужен* надежный национальный щит, нужна армия, отвечающая требованиям сегодняшнего времени. Мы обязаны обновлять и укреплять вооруженные силы, флот. Повышать их техническое оснащение, стратегические возможности. В современных условиях военную силу определяет не столько число единиц оружия, сколько профессионализм армейских кадров. И речь – не только о высоком уровне боевой подготовки, но и о внутренней дисциплине, верности служебному долгу. Речь – о состоянии духа личного состава. Конечно, все это в первую очередь зависит от отношения самого государства к защитникам Родины, от социального самочувствия военнослужащих. Но успех армейской реформы гарантирован только тогда, когда офицер дорожит своей службой и уважает свою профессию. Дорогие друзья! Праздник у нас и всенародный, и общегосударственный, он касается всех граждан России. Но так у нас сложилось исторически, что 23 февраля прежде всего каждый мужчина принимает поздравления. И принимает по праву: на его плечах мир и покой родного дома. Женщина видит в нем и своего собственного защитника, и защитника своих детей. И потому быть хорошим воином – это еще и быть настоящим мужчиной. *Надо поклониться* российским матерям, которые воспитывают солдат и настоящих мужчин. *Тем, кто*, провозжая в армию сыновей, *уверен в правильности* сделанного ими выбора. Нам, конечно, *придется еще немало сделать*, чтобы военная служба стала по-настоящему престижной, чтобы юноши с желанием шли в армию и достойно служили, а мальчишки мечтали о военной форме. Но наша армия всегда была и будет сильна любовью к своей Родине, ответственностью за нее и гордостью военных за свою профессию. Еще раз примите, пожалуйста, самые искренние поздравления с праздником»¹.

Далее – текст выступления президента Республики Армения Р.Кочаряна на параде в честь Дня полиции в 2003г.: «Уважаемые служащие и ветераны полиции, уважаемые гости. Поздравляю Вас с Днем полиции. Желаю мирной и эффективной службы. Сильная, обладающая высокими профес-

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации, <http://www.kremlin.ru>.

сиональными способностями полиция является одним из важнейших звеньев государства. Она призвана обеспечивать защиту прав всего нашего общества и охрану законности. Доверие и уважение гражданина к государству во многом обусловлено работой тех звеньев государства, с которыми он имеет непосредственные контакты. Следовательно, каждое ваше действие должно рассматриваться именно в этом разрезе: вы действуете от имени государства и во имя народа. Несомненно, результатом вашей работы является то, что Армения сегодня выделяется сравнительно низким уровнем преступности. Но много еще возможностей для улучшения ситуации, многое также ожидается от вас. Активный процесс реформ меняет страну и формирует новые социально-экономические отношения и ценности. Вот чем обусловлено требование постоянной модернизации полицейской службы. Искусственное нагнетание страстей в последнее время еще раз доказало, что *важным элементом вашей службы остается охрана общественного порядка. Государство должно реагировать на авантюризм решимостью и организованностью.* Для полиции 2002 год ознаменован принятием закона «О полицейской службе». Этот закон призван повысить вашу защищенность, регулировать ряд вопросов связанных со службой. В частности, уточнены вопросы продвижения по службе и присуждения званий. Однако нам предстоит пройти еще большой путь. Необходимо *обеспечить условия для эффективности опасной и трудной службы полицейского, неуклонно повышать профессиональную квалификацию служащих.* В нас *должен укрепляться образ полицейского, который пользуется авторитетом и доверием народа.* Уважаемые сограждане! Отмечая праздник какой-либо силовой структуры, мы *всегда должны воздавать дань уважения храбрецам,* пожертвовавшим жизнью за Отечество. Вечно останутся в нашей памяти те служащие полиции, которые пожертвовали свои жизни, защищая границы Отечества. Вечная память тем, кто погиб в мирных условиях, при исполнении служебных обязанностей. Обязанность государства – обеспечить достойную жизнь их семей. Завершая свое выступление, еще раз поздравляю вас всех с Днем полиции. Особо поздравляю тех, кто сегодня удостоен высоких государственных званий и наград. Желаю успехов в вашей ответственной службе».

Не составляет особого труда определить те приказы, которые отдаются главами государств в этих текстах; некоторые из них уже выделены курсивом. Кстати, так же легко переоформить их в прямые приказы, которые гипотетически могли бы быть отданы в качестве поручений отдельным ведомствам: *помнить и дорожить традициями* – ввести (расширить) преподавание военной истории для офицеров (всего личного состава); *обновлять и укреплять вооруженные силы, флот. Повышать их техническое оснащение, стратегические возможности* – увеличить бюджетные расходы на модернизацию Вооруженных Сил; *надо поклониться российским матерям, которые воспитывают солдат и настоящих мужчин. Тем, кто, провожая в армию сыновей, уверен в правильности сделанного ими выбора. Нам, конечно, придется еще немало сделать, чтобы военная служба стала по-настоящему престижной* – проявлять особое внимание семьям военнослужащих, проводить разъяснительную работу среди населения, усилить пропаганду в данном направлении; *важным элементом вашей службы остается охрана общественного порядка. Государство должно реагировать на авантюризм решимостью и организованностью* – считать охрану общественного порядка приоритетным направлением деятельности полиции наряду с борьбой против преступности, решительно пресекать беспорядки; *в нас должен укрепляться образ полицейского, который пользуется авторитетом и доверием народа* – проводить работу с личным составом с целью повышения культуры общения с гражданами, усилить борьбу против вымогательства и взяточничества, проводить разъяснительную работу среди населения, усилить пропаганду в данном направлении и т.д. Что касается т.н. «всеобщих» приказов, направленных не руководителям отдельных ведомств, а всем подданным государства, то здесь можно однозначно выделить следующие: считать службу в армии долгом каждого мужчины, его важнейшим делом; служба в армии будет приветствоваться и поощряться; инициирование общественных беспорядков или участие в них будет караться со всей строгостью; к полиции, как к одному из важнейших государственных институтов, следует относиться с уважением и т.п.

Важно отметить, что в силу ряда аспектов, существующих в отношениях власть-подданные, а конкретнее – правитель-подданный (авторитетность первого лица, его идентификация подданными как умного и мудрого пра-

вителя страны, его избранность в прямом и переносном смысле этого слова, его харизматичность и др.) форма косвенного императива при условии его надлежащего оформления, озвучивания и распространения нисколько не умаляет ни степень императивности самих приказов, ни степень интенциональности (Серль) подданных на их исполнение. Это «эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям» [7] нередко становится более эффективным, чем прямое приказывание, тем более что в современном мире для некоторых видов приказов форма прямого перформатива неприемлема: трудно себе представить приказ, содержащий такие формулировки, как «считать службу в армии престижной» или «запрещается недоверительное отношение к полицейскому».

3. Ритуальное приказывание, материализующееся в ритуальной ситуации, ритуальном микромире, где в течение определенного отрезка времени пребывают подданные власти и в рамках которого властью отдаются приказы (как правило – вновь *в форме выступления, устной речи* носителя власти), направленные *как бы* на правильное и успешное совершение самого ритуала. Фраза «Встать, суд идет!» является, пожалуй, наилучшим примером такого приказа, так как здесь мы имеем дело со своего рода прямым опубликованием, проще говоря – озвучиванием императива в ритуальной ситуации. В некоторых случаях, которые также можно определять как ритуальное приказывание, императив даже не озвучивается, однако исполняется в силу установившейся традиции: подданные того или иного государства, идентифицируя ритуальную ситуацию, без какого-либо приказа встают, например, при исполнении национального гимна, появлении главы государства и др. – сам ритуал в целом становится перформативом. Назовем этот вид публичности *условным перформативом*, имея в виду условность действий в момент процессирования ритуала как тех, кто отдает приказы, так и тех, кто их исполняет.

Интересно рассмотреть более развернутые во времени государственные ритуалы, например – инаугурацию главы государства. В «Википедии» инаугурация президента Французской Республики описывается следующим образом: «Инаугурация проходит по тщательно выверенному ритуалу: покидающий пост президента *встречает* преемника на ступенях резиденции главы государства. Затем они *на полчаса уединяются* в кабинете президента, где ново-

му французскому лидеру передаются основные досье, а также коды от ядерного оружия. После этого *новый президент провожает* ставшего обычным гражданином *предшественника*, который покинет Елисейский дворец. В Зале торжеств начинается церемония инаугурации нового президента. *Председатель Конституционного совета оглашает* результаты выборов и *официально объявляет* нового президента республики. *Новый президент принимает* цепь Великого магистра Ордена Почётного легиона и *произносит первую речь* в качестве главы государства. Затем он *производит* смотр республиканской гвардии и *выслушивает* «Марсельезу». *Пушки, установленные в комплексе Дома Инвалидов, отмечают инаугурацию 21 торжественным залпом.* В открытой автомашине с конным эскортом новоизбранный *президент проезжает* по Елисейским полям к Триумфальной арке, где *зажигает вечный огонь и возлагает венок* к могиле Неизвестного солдата» и т.д. Просто представить, сколько ритуальных приказов должны выполнять подданные французского государства и гости, участвующие в отправлении этого ритуала.

Здесь может возникнуть вопрос относительно того, является ли подчинение ритуальным приказам следствием действий власти? Или, иначе говоря, является ли власть адресантом этих приказов? Может показаться, что, например, тот же ритуал инаугурации главы государства есть нечто, стоящее выше конкретной власти, тем более, что является моментом ее рождения, легитимизации. Однако это не так: официальные ритуалы есть собственность *государства*, которое в данном контексте следует рассматривать именно как власть, власть-бесконечность, которая неизменна в своей сути и непрерывна в буквальном смысле слова; очевидно, что она имеет лишь различные «ипостаси» в лице тех персон, которые в различные промежутки гипотетически бесконечного времени существования государства являются носителями этой власти. «Политическая Власть есть власть Государства, осуществляемая посредством того или тех, кто ее представляет или воплощает. Без Государства (в широком смысле слова) нет и политической Власти (в собственном смысле слова)» [8]. Так что именно власть является бесспорным адресантом ритуальных приказов; в случае инаугурации эти приказы становятся именно первым (и публичным) актом властвования новой, точнее – обновленной государственной власти. Кстати, именно обеспечением непрерывности власти государ-

ства объясняется обязательное фигурирование обоих президентов в ритуале инаугурации, один из которых обязательно *должен быть действующим*; это позволяет избежать безвластия, «перерыва» в государственной власти хотя бы на несколько минут. Искомый момент, мгновение передачи власти практически неуловимы для подданных; можно даже сказать, что их и не существует. Вновь обратимся к тексту из «Википедии»: покидающий пост президента (т.е. действующий президент) встречает преемника на ступенях резиденции главы государства. Затем они на полчаса уединяются в кабинете президента (не уходящего и не будущего, это государственный кабинет), где новому французскому лидеру передаются (все еще действующим президентом) основные документы, а также коды от ядерного оружия (собственность государства-власти). После этого новый президент (т.е. уже действующий глава государства) провожает *ставшего обычным гражданином* предшественника, который покинет Елисейский дворец.

Точному исполнению установленных ритуальных приказов, как со стороны организаторов и участников ритуала, так и со стороны его центральных действующих лиц, придается важное значение: нарушение установленных правил церемониала может ослабить сакральную легитимность власти. Так, известному казусу с неточностями в ритуале инаугурации президента США Барака Обамы последовало скрупулезное «исправление ошибок». Согласно специальному материалу из «Википедии», при чтении президентской присяги произошло несколько сбоев. По одним данным, Джон Робертс (председатель Верховного Суда США. – *В.С.*) начал произносить слова «торжественно клянусь» раньше, чем Обама закончил начальные слова присяги — «Я, Барак Хусейн Обама», по другим, Обама сам перебил Робертса в этот момент. Затем Робертс ошибся в тексте присяги, сказав: «что буду выполнять для (*to*) Соединённых Штатов обязанности президента добросовестно» (надо: «что буду добросовестно выполнять обязанности президента Соединённых Штатов»); Обама сделал паузу после слов «что буду выполнять», возможно почувствовав начинающуюся сразу после этих слов ошибку, Робертс попытался исправить ошибку, сказав: «добросовестно обязанности президента Соединённых Штатов», однако Обама всё же повторил первоначальный ошибочный текст. Далее текст присяги был прочтён обоими верно;

в конце Обама прибавил по традиции: «да поможет мне Бог». По совету администрации Обама и Робертс на другой день, вечером 21 января, повторили церемонию присяги в *Map Room* Белого дома; были распространены фотографии и аудиозапись – «из максимального чувства предосторожности». Обама — седьмой президент США, которому пришлось (при одном и том же вступлении в должность) повторять присягу. Ранее это делали Честер Артур (1881) и Калвин Кулидж (1923), вступившие в должность с поста вице-президента после смерти предшественников и присягавшие в первый раз в частной обстановке вне Вашингтона, а также четыре президента в случае, когда инаугурационный день выпал на воскресенье, а публичная церемония прошла в понедельник: Рутерфорд Хейз (1877, присягал первый раз в субботу, ещё не будучи президентом), Вудро Вильсон (1917), Дуайт Эйзенхауэр (1957) и Рональд Рейган (1985). Однако лишь в случае Обамы повтор присяги был связан с ошибкой в тексте, и только в его случае частная церемония состоялась после публичной.

Как кажется, эта типология точно отражает весь комплекс возможных видов реализации публичности и выглядит более чем понятной. Трехуровневая типология видов публичности вкупе с функционально присущими им формами реализации – тот арсенал, при помощи которого всякая власть во все времена осуществляла базовую функцию управления, не используя средств насилия.

Обратимся к некоторым аспектам приведенной типологии подробнее: они могут представлять особый интерес для исследования и, к тому же, требуют комментариев для рассмотрения в дальнейшем *концепций* реализации публичности.

1. Прямое приказывание. Разделение прямого приказывания на письменный и устный сегменты не является надуманным. Здесь, что очевидно, налицо принципиальное различие в том, отдается ли тот или иной приказ представителем власти в письменной форме, в устной форме, либо в сочетании этих форм. Может показаться, что речь идет о лишь о разнице в наличии какого-либо комментария отданного приказа и лежащего в его основе

политического решения, что возможно только при устном приказывании. Однако это не так: отдельный вид письменных приказов может (а иногда – и должен) иметь констатирующую, интерпретационную составляющую. Вот, например, начало текста указа президента РФ от 24 декабря 2009г. «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»: «Органы внутренних дел Российской Федерации выполняют важнейшую государственную функцию по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан. Принимая во внимание, что в последнее время участились случаи нарушения сотрудниками милиции законности и служебной дисциплины, которые вызывают обоснованную негативную реакцию в обществе и умаляют авторитет власти, а также что существующая структура органов внутренних дел Российской Федерации, организация их деятельности, кадровое, финансовое, материально-техническое обеспечение милиции не отвечают современным требованиям и нуждаются в модернизации, постановляю...» и далее по тексту, где вводится прямой приказ¹. Как видим, письменный приказ содержит констатирующую часть, предшествующую перформативу *постановляю*, где приводится обоснование появления конкретного приказа и, в свою очередь, обосновывается принятое решение. В той же Республике Беларусь существует традиция распространения пресс-службой главы государства официальных комментариев по поводу отдельных указов президента². Таким образом, аспект наличия комментария не может быть принят в качестве критерия различия между устной и письменной формами приказа и стать причиной для выбора той или иной формы. Другое дело, что существует значительное различие а) в плане экспрессивности устного приказа по сравнению с приказом письменным, возникающее из-за *личной и полной вовлеченности* носителя власти, физического «тела короля» [9] в совершаемый императивный акт; это преодоление *a priori* существующей в восприятии современного общества безличности власти, ее структур и текстов. «Перформативные речевые высказывания вплетены в социальные представления, которые <...> происходят в инсценированном контексте; в этом контексте есть актеры и зрители, и актеры при помощи декларативных высказываний добиваются воздействия на зрителей. <...> Перформативные

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации, <http://www.kremlin.ru>.

² Официальный сайт Президента Республики Беларусь, <http://www.president.gov.by>.

высказывания осуществляются в контексте телесного представления, они производятся в том числе и телом» [10]; б) в синтаксисе устного приказа, который, по сравнению с синтаксисом письменного, обладает значительным преимуществом как минимум в плане большей предикативности и лаконичности. «Письменная речь – речь в отсутствие собеседника. Поэтому она оказывается максимально развернутой речью, в ней синтаксическая расчлененность достигает своего максимума. В ней благодаря разделенности собеседников редко становится возможным понимание с полуслова и предикативные суждения. Собеседники при письменной речи находятся в разных ситуациях, что исключает возможность наличия в их мыслях общего подлежащего. Поэтому письменная речь представляет в этом отношении по сравнению с устной максимально развернутую и сложную по синтаксису форму речи, в которой нам нужно употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо более слов, чем это делается в устной» [11]. Письменная речь, а в данном случае – письменный приказ, в силу определенных особенностей этой формы, лишает возможности личного, эмоционального вовлечения в текст. Тогда как форма устной речи правителя, отдающего прямой приказ, доводит до максимума «степень явленности» (Барт) власти в этом приказе, создает ситуацию диалога с подданными, подчеркивает личную ответственность носителя власти и усиливает воздействие приказа. Именно поэтому практика устного дублирования письменных приказов, относящихся к *наиболее важным аспектам властной регуляции*, является распространенной практикой в современном мире. Как отмечает Кристоф Вульф, «институциональное повторение перформативных высказываний способствует их воздействию» [10]. Вот, в качестве примера, отрывок из речи Дмитрия Медведева (встреча с начальником Генерального штаба ВС РФ и министром обороны РФ, 12 августа 2008г.), предшествующей подписанию приказа о завершении военной операции в августе 2008г.: «...Я принял решение завершить операцию по принуждению грузинских властей к миру. Цель операции достигнута. Безопасность наших миротворческих сил и гражданского населения восстановлена. Агрессор наказан и понёс очень значительные потери. Его вооружённые силы дезорганизованы»¹. Еще один пример –

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации, <http://www.kremlin.ru>.

из выступления президента США Ричарда Никсона перед подписанием приказа о выводе американских войск из Вьетнама: «Мы приняли решение, согласно которому мы выводим из Южного Вьетнама все американские сухопутные войска и их полностью заменяют южновьетнамские силы исходя из запланированного графика. Это будет свидетельством силы, а не слабости. Поскольку южновьетнамская армия все более и более усиливается, сроки вывода американских войск могут быть сокращены. <...> Многие хотят закончить войну, чтобы спасти жизни храбрых молодых людей во Вьетнаме. Но я хочу закончить ее таким образом, чтобы младшие братья и сыновья нынешних солдат не стали сражаться в некотором отдаленном будущем во Вьетнаме или где-нибудь еще в мире. Я выбрал план по достижению мира. Я полагаю, что он выполним»¹.

Понятно, что очень многое из сказанного президентами просто не могло быть оформлено в виде письменного приказа; презумпция субъектности и ответственности власти [12], с учетом крайней важности события в жизни государства, и в том, и в другом случае требовала именно личной и полной вовлеченности первого лица. Интересно заметить, что Никсон, говоря о принятии решения, употребляет местоимение «мы», т.е. *власть*, однако в дальнейшем, говоря о сделанном политическом выборе, дважды повторяет «я».

История знает и примеры исключений из этого правила: знаменитый приказ И.Сталина от 28 июля 1942г., известный под символическим названием «Ни шагу назад!», письменно сформулирован в форме устной речи, политического выступления, и является синтезом политической публицистики и приказного письма, форм прямого и косвенного приказывания. «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. <...> Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток. Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о

¹ Coldwar chronicles: site about the Cold War, <http://www.coldwar.ru>.

том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. <...> Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину. Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончить отступление. <...> И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение. Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу? Я думаю, что следует. Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает: 1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами: а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда; б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта»¹, и т.д.

Следует также отметить, что в некоторых странах, например – в США, существует практика публичного подписания президентом страны того или иного указа, при этом по протоколу мероприятия выступление президента или же его общение с присутствующими журналистами может и не быть предусмотрено. Сам факт демонстрирования момента подписания указа

¹ Coldwar chronicles: site about the Cold War, <http://www.coldwar.ru>.

президентом, очевидно, может значительно уменьшить ощущение безличности властного акта и подчеркнуть личную вовлеченность главы государства; это нечто среднее между письменным и устным приказыванием.

Далее – в нескольких словах о критерии введения/исключения констатаций, комментариев и объяснений в письменных приказах.

2. Латентное приказывание. Если попытаться свести суть латентного приказывания к какому-либо одному понятию или феномену, то, бесспорно, таковым окажется феномен *убеждения*, который выступает в качестве полноправного участника «триады» конститутов власти наряду с *насилием* и *приказом*. «Социальный контроль неотделим от убеждений. С их помощью осуществляется чувственное воздействие на индивида, которое, в свою очередь, мобилизует его волю. Убеждение представляет собой, на первый взгляд, достаточно мягкое средство воздействия на людей. С его помощью достаточно эффективно создается авторитет, например главам государств. Убеждение играет незаменимую роль в навязывании той или иной формы политического господства. Его достигают не при помощи «штыка» и прямого физического насилия, а силой слова. Воздействие последнего в случае, когда правит харизматический лидер, усиливается его особым даром влиять на людей. <...> Власть, основанная на убеждении <...>, обладает высокой устойчивостью» [14]. Убеждение-от-власти имеет ярко выраженную особенность, порождаемую перформативностью большинства речевых актов власти и в корне отличающую этот процесс от политического, индивидуального и других видов убеждения. Убеждая и, как бы на время отказываясь от прямого императива, власть, тем не менее, совершает акт приказывания хотя бы только потому, что само убеждение в момент окончания его временных, физических рамок по умолчанию считается *успешно совершенным* и требует соответствующей реакции и подчинения, точно так же, как прямой приказ начиная с момента его оглашения считается опубликованным и требует исполнения. Этот феномен всегда сохраняет свою актуальность благодаря разделяемой и адресантами, и адресатами приказа *вере в действительность* императива власти [10].

Можно утверждать, что одной из основных причин, побуждающих власть при реализации публичности останавливать свой выбор на виде ла-

тентного приказывания, бесспорно, является решение задачи *достижения максимальной эффективности реализации императива* и – шире – эффективности осуществления власти. «Именно убеждение – самая полноценная форма речевого воздействия, она предполагает и логическую прозрачность, и яркую образность, которая усиливает эту прозрачность и делает речь запоминающейся. В этом смысле убеждение «двуполушарно». Приказ и манипулирование односторонни: первый апеллирует к рассудку – необходимо подчиниться, второе – к воображению» [13]. Как мы увидели при помощи приведенных выше примеров, во-первых, латентное приказывание в плане экспрессивности императива практически не уступает прямому приказыванию, а в некоторых случаях и опережает его в плане эффективности, во-вторых, устная императивная речь первого лица обладает целым рядом преимуществ в плане эффективности коммуникации по сравнению с опосредованно распространяемыми письменными приказами, и, наконец, в-третьих, в современном мире множество видов императива имеют единственно возможный способ быть опубликованными в качестве таковых – латентный, скрытый в оболочке политических контекстов.

В то же время оперирование этим видом на практике вызывает ряд сложностей, связанных, в первую очередь, с определением и последующим вербальным оформлением надлежащей, более или менее доступной для декодировки адресатами степени латентности приказов (от максимально возможной для этого жанра прозрачности до глубокой эзотеричности), а также с определением аудитории, на которую направлен императив.

Например, если в рассмотренных выше образцах косвенного императива условно изменить лексические единицы, при помощи которых отдается приказ, а так же изменить синтаксическую конструкцию императива, то можно наблюдать движение по всей шкале латентности как в сторону прозрачности, так и эзотеричности. Вместо «*Мы обязаны обновлять и укреплять вооруженные силы, флот. Повышать их техническое оснащение, стратегические возможности*» можно сказать «Мы обновим и укрепим вооруженные силы, флот. Повысим их техническое оснащение, стратегические возможности. Это наша обязанность. Министерство экономики и финансов должно в самые кратчайшие сроки представить предложения по увеличению военно-

го бюджета». Или: «Обязаны ли мы обновлять и укреплять вооруженные силы, флот? Повышать их техническое оснащение, стратегические возможности? Думаю, что обязаны». Или: «Надо задуматься над вопросом обновления и укрепления вооруженных сил, флота. Повышения их технического оснащения, стратегических возможностей». Или: «Обновленные и укрепленные вооруженные силы и флот. Улучшенное техническое оснащение, новые стратегические возможности. Это цели, к которым мы стремимся», и т.д. Если принять фразу из реального примера за некую норму, «золотую середину», то не трудно заметить, как вместе с осложнением синтаксической конструкции текста-высказывания в сторону художественности и публицистичности, императив все более «уходит вглубь», становится размытым и приобретает оттенок эзотеричности. Здесь существует реальная опасность потери стержня приказа, его перформативности и особенности быть успешно совершенным после опубликования, создания ситуации покинутости формы (Барт). В долгосрочной перспективе и при постоянном употреблении со стороны конкретной власти это может привести к деидентификации постоянными адресатами политических выступлений первого лица как места обретения и нахождения императивов, превратить этот жанр в конкретном исполнении в лишенный содержания властный ритуал.

Что касается направленности текстов латентных приказов на те или иные аудитории, то здесь существует, как минимум, два метода: а) дифференциация аудиторий и одновременная публичная реализация одинаковых по сути, но различных по своей форме императивов; это означает применение властью практики употребления жанра латентного приказывания только для избранных аудиторий; б) создание многофункциональных и разноплановых текстов, императивная суть которых в идеале будет постижимой для каждого адресата публичности власти, что означает применение предметного жанра наравне с прямым приказыванием, превращение его в продукт массового потребления.

Для описания сути первого метода вновь обратимся к Библейским текстам; вот отрывок из «Книги Иисуса Наввина»: «И дал Иисус повеление надзирателям народа и сказал: пройдите по стану и дайте повеление народу и скажите: заготовляйте себе пищу для пути, потому что, спустя три дня, вы

пойдете за Иордан сей, дабы прийти взять землю, которую Господь Бог [отцов] ваших дает вам в наследие. А колену Рувимову, Гадову и половине колена Манассиина Иисус сказал: вспомните, что заповедал вам Моисей, раб Господень, говоря: Господь Бог ваш успокоил вас и дал вам землю сию; жены ваши, дети ваши и скот ваш пусть останутся в земле, которую дал вам Моисей за Иорданом; а вы все, могущие сражаться, вооружившись идите пред братьями вашими и помогайте им, доколе Господь [Бог ваш] не успокоит братьев ваших, как и вас; доколе и они не получают в наследие землю, которую Господь Бог ваш дает им; тогда возвратитесь в наследие ваше и владейте землею, которую Моисей, раб Господень, дал вам за Иорданом к востоку солнца. Они в ответ Иисусу сказали: все, что ни повелишь нам, сделаем, и куда ни пошлешь нас, пойдём; как слушали мы Моисея, так будем слушать и тебя: только Господь, Бог твой, да будет с тобою, как Он был с Моисеем; всякий, кто воспротивится повелению твоему и не послушает слов твоих во всем, что ты ни повелишь ему, будет предан смерти. Только будь тверд и мужествен!» [Нав. 1: 10-18]. Дифференциация аудиторий здесь очевидна: простому народу отдают повеление надзиратели, а к родовитым представителям израильских колен Иисус обращается сам, при этом пользуясь именно приемом убеждения, видом косвенного перформатива. При этом следует обратить внимание на достаточно высокую степень эзотеричности текста императива и, учитывая избранность аудитории приказа, его бесспорно правильную декодировку адресатами.

В контексте сказанного техника второго метода выглядит более чем понятной. Приведенные выше примеры из практики можно считать показательными в плане многофункциональности и разноплановости текста латентного приказа, обращенного одновременно и на систему власти, и на ее подданных. Как кажется, именно наблюдаемая в них минимальная степень латентности (с незначительными отклонениями в ту или иную сторону) является единственно допустимой для реализации второго метода приказывания в этом виде.

3. Ритуальное приказывание. О том, насколько большое значение имеет ритуал для власти, как и о том, что ритуал есть тип власти и ее технология, сказано и написано много: целый ряд исследователей (Дж.Фрейзер, Д.Кэннэ-

дайн, Р. Уортман, Дж. Гуди, У. Робертсон-Смит, М. Глакмен, Н. Хачатурян и др.) посвятили теме ритуала власти отдельные труды. Вслед за этими авторами по пункту отметим основные цели ритуала власти: сакрализация института власти и носителей власти, объяснение социальной детерминации путем «обнаружения» фатальной данности, утверждение незыблемости границы между властью и подданными, признание суверенного права власти на аутопойезис, а так же иррационализирование политической действительности. «Русские правители и их советники считали символику и образность церемоний насущно необходимыми для осуществления власти. <...> Хотя императорский двор представлял собой непрекращающееся театральное действие, театр власти, мы не должны смешивать происходящее там с тем, что мы сегодня понимаем под словом «развлечения». Конечно, придворные церемонии подчас апеллировали к чувствам восхищения и удивления. Но участники этих мероприятий, в значительной мере составлявшие и аудиторию, присутствовали там не с целью повеселиться – на это указывает нередкое недовольство обременительными обязанностями церемониала. Скорее, они предпринимали старательные и сознательные усилия представить правителя как верховное начало и наделить его сакральными качествами. <...> Этот процесс, который я называю «вознесением», возносил государей в иную сферу мироздания, где они проявляли высшие качества, дающие им право на власть. Вознося, пусть и не до уровня монарха, тех, кто правит, церемониальная сфера устанавливала критическую символическую дистанцию между ними и теми, кем они правили, представляя обладание властью и привилегиями как факт, коренящийся в естественном порядке вещей» [15], – пишет в своей книге «Мифы и церемонии русской монархии» Р. Уортман. «Сакрализация власти явилась одним из проявлений религиозной креативности народов мира, к тому же старейшим в осмыслении ими политической жизни и ее институтов. Воспринимая Бога как отправную точку и программу функционирования мира, человек проецировал эту систему на земную обыденную жизнь с монархом во главе. Именно монарх должен был разрешить проблемы, связанные с самыми глубокими эмоциями человека, его страхом и надеждами, — феномен, осмысленный в литературе формулой: «институт власти спущен с небес». Древние тексты шумеров в Месопотамии, которые оставили нам первые письменные свидетельства о

политической и религиозной жизни человеческой общности, содержали концепцию божественной сущности власти. Представления о сакральной природе монарха в зависимости от места и времени обожествляли царя (как в случаях с египетскими фараонами, императорами Востока, царями дореспублканского Рима), но чаще отводили ему роль посредника между Богом и людьми, разъединяя функции жреца и царя» [16, сс. 8-9], – отмечает Н.Хачатурян.

Здесь, минуя иные целепоствления ритуала, следует обратить особое внимание на *иррационализацию политической действительности*: кажется, есть все основания утверждать, что в демократических (и, естественно, трансформирующих) государствах именно эта цель ритуала власти может рассматриваться в качестве возможно достижимой и актуальной. Понятно, что о фатальной данности, результатом которой может быть существование той или иной власти, об утверждении незыблемости границы между народом и властью, как и о существовании суверенного права на самовоспроизведение власти в условиях действия демократических режимов серьезного разговора быть не может. Что касается сакрализации власти и ее носителей, то этот процесс в современных демократиях хоть и наблюдается в различных формах ритуала с участием носителей власти, (например, то же вставание при появлении главы государства, предусмотренное официальным протоколом; специальные молебны в христианских церквях, посвященные прославлению нового главы государства и др.), однако воспринимается адресатами именно как ритуальная форма без регистрирования конкретного содержания, как образная дань исторической традиции.

Итак, об иррационализации политики и политических действий власти.

В первую очередь отметим, что ритуал сам по себе является чуть ли не лучшим образцом стандартизированного поведения, в котором отношение между средствами и целью не является подлинным [17], т.е. *ab ovo* иррациональным. Вставая в зале суда по приказу «Встать, суд идет!», либо же делая то же самое по предписанному протоколу, но без озвученного приказа при появлении главы государства, каждый подданный, несомненно, отдает себе отчет в том, что совершаемое им действие никоим образом, во-первых, не отражает истинную суть его отношений к происходящему и к актерам происходящего, во-вторых – не является обязательным условием для успешного

совершения процессирующего ритуала¹. Тем не менее, исходя из различных причин, объяснения которых находятся в сфере антропологии и социальной психологии, эти ритуальные приказы исполняются подданными в большинстве случаев, а их неисполнение рассматривается большинством как серьезное отклонение от общепринятых правил. «В ритуалах и ритуализациях человек представляет себя. Каков он и как понимает свое отношение к другим и к миру, – все это выражается в ритуальных инсценировках и композициях. Многие из этих процессов осуществляются неосознанно, некоторые попадают в сферу сознания, другие же устраиваются намеренно. Многие институциональные ритуальные процессы можно понимать как сценические представления перформативной деятельности, в рамках которой членам институции отводятся различные роли. <...> Ритуалы относятся к важнейшим формам перформативной деятельности. Они воздействуют в первую очередь благодаря инсценированию и представлению тела участвующих людей. Даже если интерпретация ритуала у них различна, общественные воздействия исходят из факта, что ритуал совершается. <...> К инсценированию и представлению ритуалов относится соразмерное обрамление, которое позволяет распознать, в какой связи находится ритуал с предшествующими действиями, и дает указание на то, как нужно понимать ритуал. Обрамление создает отличие от других действий повседневности, делает ритуал выдающимся и обеспечивает магический характер ритуального события. Этот характер является результатом веры в ритуал всех участвующих, будь то создание сообщества, как в праздновании Рождества, или же как в ритуале вступления в должность проведение границы, в существование и легитимность которой верят все охваченные, причем независимо от того, относятся ли они к тем, кому счастье улыбнулось, или же к исключенным. <...> Для инсценирования и проведения многих ритуалов нужны относящиеся к нему перформативные высказывания и реквизиты. Перформативные высказывания создают в ритуалах сцены и последовательности сцен. К их конструированию относится не только инсценирование человеческого тела, но и композиция окружающего ритуал мира» [10].

¹ Так, игнорируя приказ «Встать, суд идет!», индивид может быть подвергнут наказанию за неуважение к суду, однако своим поведением не может поставить под сомнение процесс судопроизводства или подлинность судебного решения.

Интенциональность индивида к подчинению ритуальным приказам и временному игнорированию аспекта рациональности совершаемых действий можно считать бесспорной: традиционность ритуала, его конвенциональность и прецедентность, закрепленная в сознании индивида, либо «обставленность» ритуала, его обрамление, указывающее на существование ритуального микромира и на собственное нахождение в нем, как и природная склонность человека к миметическому поведению обеспечивают его действенность. Ритуал, будучи одним из важнейших элементов социальной реальности, вне зависимости от смены поколений в той или иной стране, воспринимается как историческая данность, существующая в конкретном социуме. «Ребенок растет в культуре, где он или она просто впитывает социальную реальность, как данную. Мы учимся воспринимать и использовать ванны, автомобили, здания, деньги, рестораны и школы не задумываясь о специфической природе их онтологии и не осознавая, что они имеют специфическую онтологию. Они кажутся нам такими же естественными, как камни, вода или деревья» [18].

К тому же, микромир ритуала имеет свойство всепоглощения. На всем протяжении процессирования ритуала иные, более предметные, земные «миры» как бы перестают существовать: единственным пространством для жизни становится мир ритуала. «Карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальная. От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам <...>. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны. Таков карнавал по своей идее, по своей сущности, которая живо ощущалась всеми его участниками» [19].

Таким образом, система отношений между подданными и властью в ритуальной ситуации сохраняет свою основную суть (приказывание-подчинение), однако в плане качества политической деятельности и ее насущной актуальности существенно отличается от системы отношений в ситуации повседневности. Если в последнем случае власть постоянно вынуждена искать опору для своих действий (при этом – позитивных и рациональных), используя либо традиции, либо механизмы убеждения, то в первом

случае действия власти, полностью находясь в границах иррациональности, получают массовое одобрение в виде беспрекословного подчинения.

Именно в этих условиях и становится возможным совершение условного «подлога»: подмену реальной и рациональной политической деятельности власти на как бы постоянно процессирующее ритуальное действие, так или иначе лишенное рационального политического смысла (если не считать, что само проведение ритуала-от-власти направлено на подтверждение экзистенции суверенной и легитимной власти в государстве) и на всем протяжении процессирования не терпящее существование иных, рациональных «миров». Увеличение количества праздников и нерабочих дней, образное нарекание политических событий (например – выборов) праздниками, увеличение количества и протяженности различного рода церемониалов, степени эзотеричности и художественности в политических выступлениях первого лица и т.д. – все эти события должны служить однозначным индикатором ритуализации политической действительности, нежеланием или даже неспособностью власти и ее носителей совершать определенные, нередко – непопулярные политические действия и, обосновывая их, нести ответственность. При этом, основная ситуация властвования, приказывания-подчинения или, иначе говоря, правительственности (Фуко) бесспорно продолжает сохраняться: властью отдаются прямые приказы, при помощи которых осуществляется повседневное управление, сохраняются все формы политической деятельности власти, как и совершаются все ритуалы, признанные в качестве традиционных.

Здесь важно подчеркнуть, что, говоря об «отрезке времени» действия ритуала, в котором пребывают власть, подданные и государство в целом, следует представлять совершенно разные возможные временные рамки: от нескольких минут конкретного ритуала до всей временной протяженности деятельности конкретной власти. Ритуал может растянуться на годы и десятилетия и стать способом, стилем управления: не секрет, что тоталитарные режимы, по сути, осуществляют управление именно в условиях тотальной и бесконечной ритуальности. «Для северокорейской пропаганды характерно стремление создать некий постоянный и чрезвычайно насыщенный идеологический фон всей повседневной жизни. Она стремится к тому, чтобы основные лозунги всегда звучали в ушах людей и всегда были перед их глаза-

ми. Это должно обеспечивать автоматическое, на полубессознательном уровне восприятие важнейших постулатов. Отсюда – не только вездесущее радио, но и широкое применение наглядной агитации. На улицах корейских городов неисчислимо множество лозунгов и плакатов: от простых красных полотнищ на стенах домов до огромных бетонных стел с изображениями эпизодов из жизни Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира, которые установлены на каждом крупном перекрестке. Характерной чертой существующей в Корее системы идеологической работы является чрезвычайно широкое, можно сказать, массированное, применение собраний. Едва ли в мире есть еще одна страна, каждый житель которой вынужден проводить на обязательных собраниях в среднем около двух часов ежедневно. Собрания в Корее – часть повседневного обихода, они обычны, как обед или сон. Рабочий день в стране начинается собранием, им же он и заканчивается (излишне говорить, что время собраний не включается в общую продолжительность рабочего дня). Кроме того, собраниям целиком отдана вся вторая половина субботнего дня. Корейская политико-пропагандистская практика выработала довольно многочисленные формы собраний, которые периодически проводятся на предприятиях и в организациях. Едва ли имеет смысл рассказывать обо всех, тем более, что рассказ не будет полным, поэтому мы ограничимся лишь довольно перечислением основных видов собраний, их жанровых разновидностей. 1. «Собрания читки газет», которыми начинается каждый рабочий день большинство корейцев. На этих собраниях в течение примерно получаса специально назначенные ответственные читают «Нодон синмун» или, изредка, «Воспоминания антияпонских партизан». Это как бы идеологическая утренняя зарядка, обязательная для всех жителей КНДР. 2. «Собрания учебы у Великого Вождя и Любимого Руководителя», на которых рассказывают истории о Ким Ир Сене и Ким Чжон Ире. Подобными историями заполнены страницы корейских книг, они в обязательном порядке изучаются в школах и детских садах, а пхеньянская пропаганда распространяет их переводы на самые разные языки по всему миру. 3. «Собрания толкования лозунгов». 4. «Собрания мести», на которых рассказывают истории о «кровавых преступлениях вечных врагов корейского народа – американского империализма, японского колониализма и их южнокорейских марионеток». 5. «Собрания идеологической борьбы». На них подвергаются

критике те, кто совершил те или иные «идеологические ошибки» и «уступки ревизионизму», каковыми считаются даже ношение длинных волос или излишняя приверженность моде. Все должны выступить с обвинениями и разоблачениями провинившегося, который в заключение сам обязан произнести покаянную речь. 6. «Собрания подведения итогов жизни» завершают рабочую неделю, их проводят обычно по субботам. На них все члены коллектива по очереди должны рассказать о своих проступках и прегрешениях за прошедшую неделю, закончив это рассказ обязательным покаянием. Эта своего рода политическая публичная исповедь – очень важный эпизод в повседневной жизни современной Кореи. 7. «Собрания разучивания песен» связаны с тем, что появление новой песни в Корее – событие редкое, и каждая очередная песня утверждается свыше. Песен в КНДР появляется мало, но каждая из них должна быть «шедевром чуждейской музыки» и поэтому подлежит обязательному разучиванию всем населением страны».

Что касается демократических (или трансформирующихся в демократические) режимов, то ритуализация правления, естественно – в иной степени и в других формах (уже упомянутые выше увеличение количества праздников и нерабочих дней, увеличение количества и протяженности различного рода церемониалов, степени эзотеричности и художественности в политических выступлениях перовго лица и др.), является здесь весьма распространенным приемом: новейшая история, как и нынешняя политическая действительность, изобилуют подобными примерами.

Ноябрь, 2011г.

Источники и литература

1. *Барт Р.*, Нулевая степень письма. – М.: Академический проект, 2008. – 432 с.
2. *Лассвелл Г.*, Язык власти. // Журнал «Политическая лингвистика», №20. – Екатеринбург, 2006.
3. *Луман Н.*, Власть. – М.: Праксис, 2001. – 173 с.
4. *Нёт В.*, Чарлз Сандерс Пирс. // Журнал «Критика и семиотика». – Новосибирск, 2001. № ¾, сс. 5-32
5. *Бахтин М.М.*, Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. // *Бахтин М.М.*, Вопросы литературы и эстетики. – М.: Наука, 1975, сс.42-57.
6. *Лотман Ю.М.*, Об искусстве: структура художественного текста. Семиотика, кино и киноэстетика. – С.-Пб.: Искусство, 1998. – 285 с.
7. *Чудинов А.П.*, Политическая лингвистика. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 254 с.

8. *Кожев А.*, Понятие власти. – М.: Праксис, 2007. – 192 с.
9. *Ямпольский М.*, Физиология символического. Возвращение Левиафана. – М.: 2004. – 800 с.
10. *Вульф К.*, К генезису социального. – С.-Пб.: Интерсоцис, 2009. – 164 с.
11. *Выготский Л.С.*, Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 671 с.
12. *Согомонян В.С.*? Пресс-секретарь президента: все о работе пресс-секретаря главы государства. – М.: Аст, 2009. – 192 с.
13. *Хаззагеров Г.Г.*, Партия, власть и риторика. – М.: Европа, 2006. – 48 с.
14. *Желтов В.В.*, Теория власти. – М.: Флинта, 2008. – 584 с.
15. *Уортман Р.*, Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х томах. – М.: ОГИ, 2004. – 607, 797 с.
16. *Хачатурян Н.А.*, Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности. // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. – М.: Наука, 2006.
17. *Goody J.*, Religion and Ritual: The Definitional Problem. // The British Journal of Sociology, Vol. 12, No. 2 (Jun., 1961), pp. 142–164.
18. *Searle J.*, The Construction of Social Reality. – New-York, Free Press, 1995. – 211 p.
19. *Бахтин М.М.*, Вопросы литературы и эстетики. – М.: Наука, 1975. – 504 с.

TYPOLOGY OF FORMS AND TYPES OF PUBLICITY OF POWER

Victor Soghomonyan

Resume

The article aims to derive the typology (tools) of the publicity of power. According to the author, publicity of power has three material forms of realization which are identical to forms of general communication. Forms of realization of publicity are texts-signs which are used as symbol signs in their absolute functioning. The referent of imperative signs- forms (texts) used in absolute functioning is not only the order itself but also some of its characteristics or types which set some functional “ascription” of particular forms of publicity to separate types of publicity. The form of texts of publicity of power used within the conditions mentioned above is none other than meta-communication which sets a modus for the coming moment of communication. The types of publicity of power are as follows- direct imperative, indirect (latent imperative) and ritual imperative.